

теля. Указанное противоречие пробуждает широкую потребность рефлексивного философского осмысления двойственной формы культурной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М.: ГУПИМП РСФСР, 1955. 452 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики, итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994. 604 с.
3. Ницше Ф. Сочинение: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 829 с.
4. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1991. 1995.

Михаил Григорьевич ГАНОПОЛЬСКИЙ —
главный научный сотрудник Института
проблем освоения Севера СО РАН,
доктор философских наук

УДК 62:1(571.12)

ТЮМЕНСКИЙ СЕВЕР: ОТ ПРОЖЕКТА — К ПРОЕКТУ, ОТ ОБУСТРОЙСТВА — К СТОЛПОТВОРЕНИЮ?

АННОТАЦИЯ. В работе предпринята попытка осветить некоторые моменты социокультурной динамики региона, сформировавшегося в ходе нового индустриального освоения. Сделано это на основе экспликации ключевых понятий, аккумулирующих смысл и опыт промышленного наступления на Тюменский Север.

In this work, the author attempts to traverse some moments in the social and cultural dynamics of the region, which has been formed during the neo-industrial exploration. The research is based at the explication of key concepts, accumulating the essence and experience of industrial attack against the Tyumen North.

Территория современной Тюменской области на протяжении последних четырех столетий неоднократно являла собой арену крупных социальных экспериментов. С нарастающей частотой они не столько повторяли, сколько предвосхищали поворотные моменты отечественной истории. В какой-то мере история страны именно здесь становилась историей в собственном смысле, утверждая себя как необратимость и закономерность в борьбе с «суровой природой, которая стала нашей судьбой», с «необъятным, непокорным, разбегающимся пространством», с «бременем народности — массой племен и наречий» [1]. Во второй половине XX в. таким поворотным моментом стал Тюменский индустриальный эксперимент.

Удивительно, что этот уникальный во многих отношениях исторический эпизод по-настоящему еще не осмыслен, не превратился в отрефлектированный социальный опыт. Конечно, можно уповать на то, что История все расставит по своим местам, будущие поколения вынесут свой вердикт, но кое-что должны сделать сами участники и свидетели происходящего. И одним из способов проследить социокультурную динамику региона последних десятилетий может служить экспликация ключевых понятий, аккумулирующих смысл и опыт индустриального освоения территории.

Именно в эти годы, а точнее с конца 60-х гг., в речи публицистов, комментаторов, а затем и в обиходный язык прочно входит слово *обустройство*. Раньше оно встречалось редко, считалось диалектным, сибирским, и означало устройство нового места (застолбленного участка). Затем по совместительству стало выполнять роль

специального термина — строительство на нефтяных и газовых месторождениях. В период нефтяного и газового бума это уже был синоним устройства жизни, ее благоустройства.

Впоследствии синтез индустрии и природной среды в данном месте и в данное время трактовался как переход «от странничества России, т. е. движения вширь, к обустройству, т. е. движению вглубь» [2]. Признаки углубления (и укоренения) несомненно присутствовали в этом уникальном совпадении очередной колонизации и очередной индустриализации, но все же мотивы странничества — по крайней мере на первых этапах освоения — преобладали. С освоением Тюменских месторождений нефти и газа для всей страны в очередной раз началась жизнь на новом месте, и люди стали эту жизнь обустраивать. И когда в 1990 г. А. И. Солженицын накануне еще неотчетливой угрозы новых переселений опубликовал свои посильные соображения «Как нам обустроить Россию», меньше всего возражений вызвало слово *обустроить*.

Другим ключевым понятием — своеобразным репрезентантом массового поведения людей, устремившихся в утопическом порыве осваивать новое место, стало слово *столпотворение*. В отличие от *обустройства* оно редко проникало в формы публичного дискурса, но утвердило себя в качестве привычного ярлыка в повседневной реакции на сумятицу и неразбериху начального периода освоения. Народная этимология отмечала в нем созвучие с *толпой*, *толчеей*, *бестолковостью*, не вдаваясь особо в родословную понятия. Но как это часто бывает, подлинный смысл слова проявился самым неожиданным образом. Библейский сюжет о строительстве Вавилонской башни закрепил в выражении *вавилонское столпотворение* не созидательный процесс *творения столпа*, а разрушительные последствия грандиозного замысла. Как известно, причиной неутешительного итога послужило «смещение языков», отсутствие понимания и согласованности в мыслях и действиях участников строительства. Не лишне вспомнить и о том, что это смещение последовало как наказание за высокомерие строителей, за пагубную самонадеянность.

В какой-то мере этот сюжет подсказывает, что переход от странничества к обустройству по-настоящему так и не состоялся, и речь может идти лишь о первоначальной смене утопических парадигм: патриархальной — на индустриальную [3]. В ходе индустриального эксперимента люди приезжали на новое («пустое») место, соотнося себя не столько с социальной средой, которая еще не сформировалась, сколько с индустриальной организацией. Такой массивированный десант мог осуществиться лишь как акт индустриальной утопии, когда упрощенность и абстрактность схем действия рассчитаны на определенный состав исполнителей. Но главное в том, что этот десант был предварительно спланирован и *спроектирован* на Большой земле не только в общих чертах, но и зачастую в деталях. Таким образом, *проектирование* — это еще одно ключевое понятие в экспликации социокультурной динамики. Его можно трактовать как заземление (и в прямом и в переносном смысле) утопического проекта и одновременно как интеллектуальный каркас региона — предмет теоретической реконструкции.

Ко времени, когда началось интенсивное индустриальное наступление на Тюменский Север, проектирование рассматривалось преимущественно как атрибут крупного промышленного производства, его опознавательный знак. Именно с прогрессом промышленности принято связывать и те изменения, которые происходили в сфере проектного труда. Если на заре индустрии проект означал предварительный документальный или материальный прототип промышленного изделия или объекта строительства, то постепенно проектирование охватило и деятельность по их изготовлению или сооружению. В итоге оно вышло за рамки связующего звена между исследованием и материальным производством, превратившись в самостоятельную интеллектуальную деятельность по овеществлению знания, а затем и в самостоятельную отрасль общественного производства. Возникли крупные проектные коллекти-

вы, оформившиеся в организации индустриального образца. Именно они стали форпостами новой индустриальной экспансии. Возможно, изменения в социальном статусе проектирования у нас в стране не просто совпали с периодом массивного освоения огромных труднодоступных территорий, а в какой-то степени были обусловлены обстоятельствами этого грандиозного индустриального эксперимента. В то же время у подобной трансформации проекта в проект были значительно более ранние, по сути дела, протоиндустриальные предпосылки.

Потребность в их экспликации возникает в силу продолжающихся попыток прописать меридиональную доминанту освоения Севера в контексте привычной дихотомии Запад-Восток, рассматривать ее как обобщение раз и навсегда заданного географически ориентированного членения культур. И здесь стоит вспомнить, что существует по крайней мере еще один взгляд под «северным углом зрения», сформировавшийся в русле отечественной культуры задолго до обнаружения губительных последствий индустриальной экспансии.

Если попытаться проследить эволюцию *Севера* как ключевого понятия отечественной культуры хотя бы поверхностным взглядом, то память услужливо подскажет знакомые с детства строчки о том, что «вреден север для меня», или же о тучках, что мчатся «будто изгнанники с милого севера в сторону южную». А если напрячь память, то можно обнаружить контрастирующее с ними восприятие Севера как края, «где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп» [4]. И такая контрастность оценок не случайна. Она — порождение духовной атмосферы послепетровских времен, когда вопрос о переименовании России в «Российские Европии» стал не только плодом художественной фантазии [5], но и был высочайше утвержден в знаменитом наказе Екатерины Второй, повелевавшем: «Россия есть держава европейская» [6]. Понятна и та духовная оппозиция, которая за этим последовала. Именно в данный период, то есть еще до того, как контуры славянофильства проявились в комплексе идей, волновавших русское мыслящее общество, культурное самосознание определило судьбу России в антитезе как Западу, так и Востоку. Рождалась новая (третья) типологическая модель. «Россия получила в этой типологии наименование Севера и сложно соотносилась с двумя первыми культурными типами, с одной стороны, противостоя им обоим, а с другой — выступая как Запад для Востока и Восток для Запада» [7]. Таким образом, тема Севера приобрела для отечественной культуры совершенно особое звучание: в ней причудливо соединились культурная самобытность (через самоопределение в типологическом пространстве) и традиционная мессианская функция, которой не раз еще было дано проявиться в дальнейшем.

Совершенно особый дух и особые образы принесли в копилку культуры крупные географические открытия в полярных широтах. Пафос покорения, романтика экстремальности — характерные черты духовной ситуации данного периода. С ними тесно переплетались жажда первенства на пути к открытию Северного полюса, обстановка состязательности и соперничества. Специального рассмотрения заслуживает нравственный аспект описываемой ситуации. Обостренную нравственную значимость приобретали практически все моменты подготовки экспедиций, жизнеобеспечения, поведения человека в экстремальных условиях, взаимодействия с аборигенами. Они органично дополнялись специфическими аспектами научной этики, регламентирующей как само экспедиционное исследование, так и его отражение в научной среде и общественном мнении. Север не только обнажал ценностные коллизии, сформировавшиеся на Большой земле, не только продуцировал новые, но и утверждал неповторимую атмосферу взаимодействия и сотрудничества, ответственной зависимости. В такой атмосфере, по-видимому, формировались константы современного индустриального освоения Севера, в том числе нравственные установки проектирования.

В дальнейшем, когда у этих вопросов появился явный геополитический акцент, произошла определенная перегруппировка ценностей и норм, регулирующих особенности полярного освоения, стала существенным образом меняться их артикуляция. Но формирующийся культурный образ Севера уже достаточно прочно впитал черты духовной ситуации покорения.

Конечно, впоследствии планка романтической приподнятости и героики, установленная первой генерацией покорителей, была снижена, однако в 80-е гг. в США и Канаде появились публикации, свидетельствующие о своеобразном ренессансе в культивировании «арктического величия». Их авторы видят в Севере источник благородства и возрождения подлинно человеческих ценностей. Попытки реабилитации северных идеалов заметны в последнее время и во многих публикациях отечественных авторов. Черты мужественного, сурового и благородного Севера остаются привлекательными, несмотря на кардинальную смену многих ценностных ориентиров.

Кристаллизации образа Севера в культуре в последние годы способствует не столько пристальный взгляд в прошлое, сколько тревожное предчувствие надвигающегося экологического кризиса. Здесь также необходимо подчеркнуть нравственный мотив. Ведь при внимательном анализе становится ясно, что современное экологическое сознание идет тем же путем, что и сознание нравственное. Идет ощупью, преодолевая пафос всеобщего запрета, прокладывая «тропки» от табуирования — к позитивной мотивации. В этом смысле экологическое сознание представляет собой современную форму самораскрытия индустриального этоса, что особенно важно в регионах, сформировавшихся в ходе интенсивного промышленного освоения. Показательно, что несмотря на предрекаемую угрозу экологических катастроф, массовое сознание жителей большинства регионов, похоже, все еще невосприимчиво к мрачным прогнозам. Но когда речь идет о Севере, то острота экологических проблем становится очевидной и на обыденном уровне. Тем самым на смену элитарному арктическому единению культур периода открытия Северного полюса вполне может прийти их массовое сотрудничество во имя совместного выживания.

Что же касается этического аспекта северного освоения, то это не столько этика полюса, сколько полюс целого ряда этических проблем, доведенных до предельного, символического состояния. Поэтому реконструкция этических парадигм освоения приполярных территорий возможна путем дешифровки данной символики, наполнения ее конкретным содержанием. Именно здесь вступает в свои права проектирование. Преодолевая как логику доведения до абсурда, так и условность координатной сетки, оно становится способом экспликации свернутого смысла деятельности людей, выступающих явными и неявными агентами движения цивилизации к своему полюсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. А. О России. М.: Российский архив, 1991. С. 12.
2. Согомонов Ю. В. Метафизика регионализма // Тюмень в процессе формирования новой региональной политики. М., Тюмень: Центр прикладной этики, 1994. С. 61.
3. Ганопольский М. Г. Дух Места и точки его сгущения // Рациональный регионализм. М., 1995. С. 100.
4. Гоголь Н. В. Мысли о географии. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 120.
5. Гистория о российском матросе Василии Кориотском. Русские повести первой трети XVIII века. М.-Л., 1965. С. 191.
6. Наказ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя самодержицы всероссийския... СПб., 1776. С. 4.
7. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988. С. 220. Он же. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157-162.